

Епископ Гермоген (Добронравин)

УТЕШЕНИЕ
В СМЕРТИ
БЛИЗКИХ СЕРДЦУ

СПИСЪ

Гермоген Добронравин Утешение в смерти близких сердцу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51735736

Утешение в смерти близких сердцу / Епископ Гермоген (Добронравин):

Сатишь; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-7373-0137-0

Аннотация

Потеря близкого человека тяжелое испытание для любого из нас. Умный, добрый и умудренный жизненным опытом архипастырь, обращаясь к нашим душе, сердцу и разуму, помогает нам правильно осознать потерю и примириться с ней.

**Епископ Гермоген
(Добронравии)
Утешение в смерти
близких сердцу**

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
Симона*

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2006

Нет... Что ни говорите сердцу, а ему сродно горевать о
потере близких; как ни удерживайте слезы, а они невольно

струятся ручьем над могилой, в которой сокрыт родствен-
ный, драгоценный нам прах. Правда, слезами не возвернуть
того, что взято могилой, но потому-то и слезы струятся ру-
чьем, что возврата нет из могилы... Я лишился, например,
друга, которого жизнью я жил, и мне ли не плакать, ко-
гда вспомню, что тут, в могиле, погребено все мое счастье,
тут сокрылись лучшие мои радости, сладостнейшие надеж-
ды мои? Нем тот язык, который так сладко и утешительно
делил со мною беседы и в часы радости, и в минуты скор-
би; замерло то дыхание, которое дышало одной ко мне лю-
бовью, и та нежная рука, которая так бережно хранила ме-
ня, с такой охотой и любовью благоволит мне везде, охла-
дела для меня – навсегда... Как слезам не литься? Могу ли
не плакать, когда представлю себе, что это чело, в котором
действовал некогда ум с такой силой, послужит пищей чер-
вей; это сердце, столь радостно трепетавшее жизнью и лю-
бовью, сделается добычей тления? И бедный человек чего,
чего не делает, к чему не прибегает, чтобы только облегчить
сердечную скорбь? Но, увы! Все напрасно. Только в слезах,
в одних почти слезах, находит для себя некоторую отраду, и
только они, и почти они одни, несколько облегчают тяжесть
его сердца, потому что с ними только капля по капле вытека-
ет вся жгучесть душевной скорби, весь яд сердечной болез-
ни... Слышит он отовсюду: «Не плачь, не будь малодушен».
Но эти возгласы – не пластырь на раны, а часто наносят серд-
цу новые раны. – «Не будь малодушен». Но кто скажет, что

Авраам был малодушен, а и он плакал, рыдал по жене своей Сарре, прожившей 127 лет (Быт. 23, 1, 2). Малодушен ли был Иосиф? А и он плакал об отце своем Иакове, и плакал не день, не два, а семьдесят дней (Быт. 50, 1–4). А послушайте, как горько рыдает он при вести о смерти сына своего Авессалома: *Сыне мой, Авессаломе, сыне мой, сыне мой, Авессаломе: кто даст смерть мне вместо тебе? Аз вместо тебе, Авессаломе, сыне мой, сыне мой, сыне мой, Авессаломе* (2 Цар. 18, 33). Нет, каждая могила достойного человека всегда орошается слезой горькой любви. И что говорить о людях, когда и Сам Спаситель над прахом друга Своего Лазаря возмущился духом и прослезился (Ин. 11, 33, 35)? Он плакал, Владыка живота и смерти, плакал в то время, когда пришел ко гробу друга Своего с той именно целью, чтобы воскресить его из мертвых... А нам, немощным людям, удержать слезы при разлуке с милым сердцу, нам остановить вздохи в сжатой от скорби груди – о, это невозможно, это противно нашей природе... Нет, дайте нам каменное сердце – и слез тогда у нас не будет – или не мешайте лить слезы!

Все это – правда. И я не могу, не смею осуждать ваши слезы; я даже готов смешать свои слезы с вашими: я хорошо понимаю, что *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21); я знаю, по собственному опыту знаю, как тяжело, невыразимо тяжело поднять руку, чтобы бросить на прощанье горсть персти в могилу близкого, родного... «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во

гробех лежащую, по образу Божию созданную, нашу красоту безобразну, безславну, не имущую вида...»

Но как ни сродно нам плакать о близких к нам усопших, однако же эта скорбь наша должна иметь свою меру. Иное дело — язычники: они плачут, и плачут иногда безутешно, потому что не имеют упования. Но христианин — не язычник: ему и стыдно, и грешно плакать об умерших без всякой отрады и утешения.

Не хощу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочий не имущие упования (1 Сол. 4, 13), — говорит апостол всем христианам. *Да не скорбите...* Что же может облегчить эту боль христианина? Где для него этот источник отрады и утешения? Рассмотрим причины, которые заставляют нас лить слезы над прахом близких, и Бог поможет нам найти для себя этот источник.

Итак, о чем мы плачем при разлуке с милым сердцу? Прежде и более всего о том, что он перестал жить с нами на этом свете.

Он перестал жить с нами на этом свете... Но посмотрите беспристрастно на жизнь нашу земную и рассудите, что она такое.

Давно премудрый сказал: *Суета суетствий, всяческая суета. Кое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем?* (Еккл. 1, 2–3). Кто ж это так невыгодно отозвался о здешней жизни? Уж не узник ли какой, который, сидя в душной темнице, не видит почти ничего, кро-

ме тяжких цепей, раздирающих его тело? Такая жизнь кому приятна? И вот не он ли это оглашает своды темницы таким безотрадным воплем: *суета сует, всяческая суета* ? Нет, не он. Так, может быть, богач, по непредвиденным обстоятельствам, ниспал в нищету, или бедняк, который при всех трудах и усилиях чуть не умирает от холода и голода?.. Нет, и не такой человек. Так видно, обманутый честолюбец, который всю жизнь свою посвящал тому, чтобы подняться в обществе на несколько ступеней выше, и, после бесполезных трудов и усилий, видит себя еще менее уважаемым, чем прежде, когда он стоял ниже, но действовал благороднее? О, нет, нет; и не такой человек. Кто же этот несчастный с таким мрачным взглядом на мир? Это – Соломон, это – царь, и какой царь! Чего ему недоставало для счастливой жизни? Мудрости ли? Но кто мудрее был того, кому известны были и состав земли, и действия стихий, и течение времени, и расположение звезд, и свойства животных, и помышления человеков... *и елика суть скрыта и явна?* (Прем. 7, 17–21). Богатства ли? Но кто мог быть богаче того, кому целый свет, и земля и море, приносили все лучшие сокровища, у кого было и золото, и серебро, и имения царей и стран? (Еккл. 2, 8). Славы ли или величия? Но какое имя было громче имени царя израильского, обладавшего миллионами подданных? Наслаждения ли благами жизни? Но вот что сам он говорит о себе: *Все еже просиста очи мои, не отъях от них, и не возбраних сердцу моему от всякого веселия моего...* (Еккл. 2, 10). Кому

бы, казалось, могла прискучить такая счастливая, привольная жизнь; и, однако же, человек, которому суждено было обладать всеми благами земными и испытать все разнообразные наслаждения жизни, — человек этот, испытав все, сделал наконец такое заключение о жизни: *Суета суетствий, всяческая суета! Кое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем? Или вот еще другой царь, святой Давид. Престол его сияет золотом, а он и среди блеска золота взывает: Изше сердце мое, яко забых снести хлеб мой... Зане пепел, яко хлеб ядях, и питание мое с плачем растворях (Пс. 101, 5,10). Царская диадема его сияет драгоценными камнями, а из груди его, покрытой блеском славы и величия, исторгается вопль: Яко вода, излихся, и разсыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воск таяй посреде чрева моего: изше, яко скудель, крепость моя (Пс. 21, 15–16). Дворец его из кедра и кипариса, но для грусти и туда открыты двери, — и вот из глубины богатых чертогов слышатся вздохи: Увы мне, яко пришествие мое продолжися (Пс. 119, 5); Утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7).*

Так вздыхали о тяжести жизни и счастливейшие из людей; что же сказать о тех, которым досталось во всю жизнь свою нести тяжкий крест испытаний? Терпелив был Иеремия-пророк среди гонений и обид, которые испытывал он отовсюду как обличитель лжи и нечестия; а были однако же минуты, когда и этот терпеливый страдалец взывал: *Го-*

ре мне, мати моя, векую мя родила еси мужа прительнаго и судимаго по всей земли!.. Векую оскорбляющий мя возмозагот на мя? Язва моя тверда, откуда исцелюся? (Иер. 15, 10, 18). А Иов, этот дивный пример твердости и великодушия в несчастий? Невольно изумляешься, когда слышишь, как он благословляет Бога и в тот самый день, когда все стада его гибнут и все дети его кончают дни свои под развалинами дома... Какое несчастье и какое великодушие! Но для Иова как будто еще мало: вот покрывают его смрадные струпы от ног до главы; а тут является жена, подруга жизни, и учит его отчаянию; здесь являются его друзья как будто для того только, чтобы больше раздражать его... Боже мой, Боже мой! Сколько стрел в одну цель! Сколько бед на одну голову! И Иов однако же все благословляет Бога... Какая необычайная сила духа! Какое изумительное терпение! Но человек — не камень: были минуты, когда и эта адамантовая душа разбивалась от скорби; были минуты, когда и сам Иов, покрытый Струпами, сидя на гноище, горько взывал: *Да погибнет день, в онъже родихся, и ноцъ оная, в нюже реша: се, мужеск пол... Почто бо во утробе [матери] неумрох? Из чрева же изшед, и абие не погибох?* (Иов. 3, 3, 11). *Ащеусну, глаголю: когда день? Егда же востану, паки: когда вечер? Исполнен же бываю болезней от вечера до утра* (Иов. 7, 4).

Но к чему прислушиваться к воплям такой глубокой древности? Вот и мы живем и, взглянув беспристрастно на дни свои, не скажем ли в иной раз с тем же Иовом: *не искуше-*

ние ли житие человеку на земли..? (Иов. 7,1). Вот рождается человек, – и в то время, как мать не помнит скорби от радости, *яко родися человек в мир* (Ии. 16, 21), первый привет земле этого нового гостя земного – горький вопль бессилия, как будто пророческий укор ей за те огорчения, какие она готовит ему... Вот приближается он к смерти – и что опять? Тяжким стоном изнеможения прощается с землей, как будто укоряя ее за минувшие бедствия... А по началу и концу легко уже судить и о продолжении жизни. И кто этого не испытал? Ибо кто жил и не скорбел, кто жил и не проливал слез? Один теряет близких и любезных сердцу, у другого страдает честь и слава, у третьего много врагов и завистников, четвертый стонет от болезни, иной вздыхает от расстройства домашних обстоятельств, этот оплакивает бедность свою... И обойдите всю вселенную, но где вы найдете человека, который бы был счастлив вполне, во всех отношениях? Ищите дни, ищите ночи, а его нигде не найдете. Если бы и нашелся такой человек: что же? Самое опасение, чтобы со временем не изменились счастливые его обстоятельства, уже не есть ли для сердца его червь кровожадный? А страх смерти, которая рано или поздно, а непременно пресечет земное его счастье? А совесть, а внутренняя борьба со страстями?

Вот наша жизнь на земле! Здесь нет радости без скорби, нет счастья без бед. И это оттого, что земля не ад, где слышны только вопли отчаяния и скрежет зубов, но и не рай, где раздаются только клики радости и блаженства. Что же такое

жизнь наша на земле? Теперь – это место изгнания, где и *вся тварь с нами совоздыхает и сболезнует даже доныне* (Рим. 8, 22). Оттого старайтесь, сколько сил есть, окружать себя одними радостями, а рано или поздно услышится голос: *умножая множу печали твоя и воздыхания твоя* (Быт. 3, 16). Усиливайтесь говорить душе своей: «яждь, пей и веселися», а придет пора, и испытаются на деле слова Божии: *проклята земля в делех твоих: в печалех снеси тую вся дни живота твоего* (Быт. 3, 17). Сейте вокруг себя розы счастья, а наступит время, и появится подле вас терние колючее (Быт. 3, 18). Наслаждайтесь свежестью сил своих, любуйтесь цветущим здоровьем и, в лестной надежде, прилагайте в мечтах своих дни ко дням, годы к годам, а ударит час, и вы, обманутые сладкими мечтами, со скорбью услышите глас: *в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лк. 12, 20), *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19).

Что такое жизнь наша на земле? Это – училище, где мы воспитываемся для Неба. А одни ли только радости живут в училище – об этом знает каждый, кто только учился. Весело иногда бывает вспомнить о жизни школьной по выходе из училища, а всегда ли весело было то время, когда воспитывались? Заботы, труды, огорчения – кто не помнит вас? И кто, живя в училище, не думал и не мечтал: «Ах, скоро ль окончатся мои занятия, скоро ль выйду на свободу?» Что такое жизнь наша на земле? Это – поприще для беспрестанной войны со врагами, и с какими врагами? Один другого лютее

и хитрее: то мир нас преследует с хитростью коварного друга или злобой свирепого врага, *то плоть... похотствует на духа* (Гал. 5, 17), то *диавол, яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). А доколе идет война, дотолé не может быть мира.

Что такое жизнь наша на земле? Это путь в нашу родину, и какой путь? Есть и широкие, и гладкие пути; но не дай Бог вступить и идти этими путями: они опасны, они ведут в пагубу... Нет, не такой путь проложен для христианина от земли на небо; это – путь узкий, тернистый (Мф. 7, 13–14), такой путь, на котором дебри за дебрями, горы за горами, камни за камнями, терны за тернами (Мф. 11, 12; Лк. 16, 16)... Тут не раз добрый путник вздохнет от сердца, не раз обольется кровью и слезами...

Что такое жизнь наша на земле? Это – море, и какое море? Не тихое и светлое, на которое иногда приятно смотреть и любоваться; нет, это море грозное и шумное, море, «воздвигаемое напастей бурей», на котором утлой ладье – нашей душе – непрестанно угрожают опасности, то от вихрей страстей, то от стремительных волн клеветы и нападений; и что было бы с нею, если бы у нее не было с собой кормила веры и якоря надежды?

Итак, вот что значит жизнь наша на земле! Рассудите же теперь беспристрастно, о чем мы так безутешно плачем при разлуке с близким нашему сердцу? О том, что он перестал жить на этом свете... А это что значит? То, что близкий к нам

уже окончил все суеты мирские, оставил все беды и огорчения, которые для нас еще остаются; то, что этот странник уже миновал страну пришельствия, этот воспитанник уже окончил лета воспитания, этот воин Христов уже оставил поле брани, этот путник достиг уже родины, этот плаватель уже проплыл бурное море и вошел в тихую пристань... Что же значат после сего слезы наши, когда *смерть мужу покой* (Иов. 3, 23), и на все наши вопли и рыдания не отвечает ли он нам своим мирным молчанием: *не плачитесь о мне, обаче себе плачите и чад ваших* (Лк. 23,28)? Итак, *над мертвым плачися: исчезе бо свет, но сладчае плачися над мертвым яко почил есть*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.